

Виктор ДЬЯКОВ

*В ГОДУ 1238 ОТ РОЖДЕСТВА
ХРИСТОВА*

16+

Виктор Дьяков

В году 1238 от Рождества Христова

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Дьяков В. Е.

В году 1238 от Рождества Христова / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2014

В центре повествования противостояние темника Бурундая и племенного князя кривичей Милована. Они оба искусные военачальники и во многом схожи. Им даже женщины нравятся одного типа. Одинаково относятся к ним и их властители. Низкородного Бурундая считает выскочкой монгольская знать, а его полководческому таланту завидует сам хан Батый. Милована не любит и опасается Великий Князь Владимирский, ибо он князь с более древней родословной. Кроме того, в отличие от потомков пришлого варяжского конунга Рюрика, Милован одной крови с народом, образовавшимся в результате слияния различных племен на севере и северо-востоке Руси и ставший зваться русским.

© Дьяков В. Е., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

1	5
2	12
3	20
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

1

Четыре тумена, столько войск под начало темника Бурундая выделил Великий Джихангир Бату-хан. В задачу темника входило, отделившись от основных сил, широкой «облавой» пройти по следу Великого Князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Великий князь, бросив столицу, поспешил в свои лесные вотчины собирать войска. В его отсутствие столичный град Владимир был взят штурмом, разграблен и сожжен. Не дело хана шастать по лесам за убегающим как заяц врагом. Для этого у него есть помощники, знатные найоны-темники, или темники не знатного рода, но ставшие таковыми за полководческие заслуги. Одним из таких безродных темников и являлся Бурундай.

Четыре тумена расположились лагерем на пустоши неподалеку от Углича. Углич попался Бурундаю на пути, и он не преминул его с ходу взять. Это оказалось не очень трудно, и город был мал и земляные его стены невысоки, да и жители не смогли оказать должного сопротивления. Но и добыча, увы, тоже оказалась не велика. Городок оказался небогатым, к тому же многие жители заранее успели убежать в леса, прихватив с собой наиболее ценное имущество. Пленных тоже взяли не так много. Мужиков сразу нагроулили. Для большого войска требуется много всевозможной поклажи и не победоносным воинам ее нести, воинам положено воевать. Особенно разочаровало, то что в Угличе и окрестных селах захватили мало женщин, да и тех что захватили... Самыми ценными пленницами считались так называемые «нежные цапли» и «жирные утки», женщины из привилегированных сословий: княгини, княжны... воеводши, купчихи, поповны. Княгинь и княжен – нежных цапель, рядовым воинам «брать» запрещалось, они предназначались тысячникам и темникам. И лишь в том случае если эта «добыча» тем не понравится, тогда и младшему «комсоставу» и даже рядовым воинам могла достаться такая «цапля». А вот что касается воеводш, купчих, поповен – «жирных уток», то здесь столь строгих ограничений не было.

Как правило, темникам, тысячникам, да и сотникам, если они монголы, полные женщины не нравились. Другое дело если начальник кипчак. Многим кипчакам напротив нравились полнотелые и они требовали от своих подчиненных, обязательно показывать им и жирных уток. Увы, в Угличе, к моменту штурма не оказалось ни одной «цапли», да и «уток» поймали крайне мало. Так что воинам пришлось в основном довольствоваться городскими простолюдинками, а в селах смердками. Какое удовольствие для храброго богатура, после месяцев походной жизни в седле, риска быть убитым в сражении в качестве награды лежать на мосластых русских смердках. Они, как правило, много с раннего детства работали, и ели всегда плохо и такую грубую пищу, что их тела часто были столь же жестки, как и мужские. То ли дело, когда брали Владимира. Там город большой и богатый и там было много хорошо откормленных мягких женщин...

Шатер Бурундая, как полагается, разбит в центре лагеря. Вход караулят верные нукеры. Посреди шатра горит огонь в походном очаге, большой четырехугольной лохани и дым уходит вверх в дымовое отверстие. Темник сидит на кошме, ноги под себя, перед харатьей, куском выделанной кожи, на котором начертан план местности, где предположительно прятался орысский коназ со своим войском. Через всю шкуру извилистой линией пролегала река, которую орысы звали Сить. По обеим берегам реки кружками отмечены расположения деревень и сел. Этот план Бурундай составил сам, сопоставляя донесения лазутчиков и рассказы пленных.

Бурундай поднялся, чтобы подлить масла в горящую плошку, добавить освещения – к вечеру свет, проникающий через дымовое отверстие, становился все слабее. Тревожные мысли, до того как бы задвинутые на задний план сознания обдумыванием предстоящих сражений, вновь всецело овладели им. Нет, он не опасался за окончательный исход этого похода.

Куда этому орысу Гюрге, хоть он и коназ, тягаться с ним, а его, кое как собранному войску с четырьмя монголо-кипчакскими туменами. Бурундая беспокоило совсем другое. Как расцелить, это его неожиданное назначение, командовать не только своим, а сразу четырьмя объединенными туменами? И что его, а не кого-то из знатных найонов Джихангир послал добивать орысского коназа. Возможно, таким образом Бату-хан дает понять, что коназ Гюрга ему не ровня, и разбить его сможет и темник, причем далеко не самый родовитый. Конечно, для Бурундая, с одной стороны это высочайшая милость и доверие, с другой...

Тридцатипятилетний Бурундай хорошо разбирался в подковерных интригах, которые плелись в ближайшем ханском окружении. Он точно знал – ему завидуют не только найоны, но и тайджи, близкие родственники Бату-хана, в чьих жилах течет кровь самого Великого потрясителя вселенной Чингисхана. Как тут не завидовать, ведь это тумен Бурундая сыграл главную роль в разгроме Волжской Булгарии, и потом его воины первыми ворвались, и в Рязань, и во Владимир. Для всех этих знатных и влиятельных он выскочка, баловень счастья и они все делают, чтобы опорочить его славу, уже делают.

Дальше мысли Бурундая потекли в другом направлении. Сегодня прискакал гонец с вестью, что основное войско хана овладело Тверью, город хоть и не такой большой как Владимир, но куда богаче того же Углича. Там наверняка взяли немало добычи, пленных и пленниц... Взятые в плен женщины имели для Бурундая немаловажное значение. Он не тайджи и не богатый найон, которые шли в поход, имея не только нукеров, отцы которых служили их отцам, за ними в обозе в кибитках едут по две-три, а то и более жен. Им не приходится после сражений скучать, даже если нукеры не приведут им ни одной «цапли», или «утки». Они утешатся женами. А Бурундай один как перст и очень зависит от такого рода «ясыря». Впрочем, его нукеры ничуть не хуже потомственных слуг тайджи и найонов, но только они его любят и уважают не за высокое происхождение, а за полководческое искусство и заботу о них. И они всегда приводили к нему самых знатных и красивых пленниц. Но, как же редко они могли угодить своему темнику. Казалось бы, откуда у этого сурового, грубого воина, в жилах которого не текло и капли благородной крови такой изощренный «вкус»? Ему не нравились не только мосластые жесткотелые смердки, но и слишком хрупкие «цапли» и недостаточно нежные «утки». Бурундай хотел совершенства, а в его понимание женское совершенство заключалось в сочетании нежности «цапель» и пышнотелости «уток».

По всей видимости, он имел такой «вкус» оттого, что сам являл полную противоположность: худой, жилистый, костистый. Про ту слабость темника было в курсе едва ли не все в окружении Джихангира. Тайджи и найоны посмеивались – они все были монголы, любили, как правило, много есть и лежать на мягких подушках от того с годами начинали заметно грузнеть, становиться жирными. А жирные мужчины обычно любят худых женщин, потому среди тайджи и наиболее знатных найонов в такой цене «цапли». К тому же, среди них встречаются и такие, что предпочитают мальчиков. Но почему-то над этими «гурманами» никто не смеется, и сам Джихангир этого, как бы, не замечает. А вот про тягу Бурундая к определенному типу женщин все знают и все смеются, кто втихую, кто в открытую. И сам Джихангир не прочь при случае посмеяться, и не только...

Во время разграбления Владимира Джихангир вроде бы оказал Бурундаю великую честь. Когда к ногам ханского коня положили почетную добычу, княгиню, жену коназа Гюрги, перед тем сорвав с нее украшения и одежду, Джихангир отказался, он был не «голоден», ибо у него в обозе имелось больше десятка жен. К тому же Бату-хан был довольно тучен, как и почти все чингизиды перешагнувшие рубеж тридцати лет. А тут перед ним положили княгиню... в общем, она ему явно не понравилась и он предложил почетную добычу Бурундаю. Но как предложил!? Хан опять публично над ним посмеялся, унизил. Ему предлагалось овладеть княгиней на глазах у всех, прямо на снегу! Да, насиловать женщин покоренных народов, публично

унижать их, на это имеют право все рядовые воины, как и десятники и сотники... Но он не десятник и не сотник, даже не тысячник, он темник. Да он бы с благодарностью принял этот дар и с удовольствием овладел бы княгиней, тем более она оказалась именно в его вкусе, хоть и не молода: крупная, белотелая, светловолосая, невероятно мягкая. Это Бурундай ощутил, когда оказался на ней, под взглядами Джихангира, его свиты и еще многих тысячников и сотников, слыша их смешки и скабрзные шутки...

Джихангир мог бы просто отдать ее ему, чтобы он с полным удовольствием овладел ее в своем шатре. Но он специально публично унизил его, приравняв к обычному воину, насилующему свою «добычу» прямо на улице при всеобщем обозрении. И вот после этого унижения он вдруг дает ему в придачу к его тумену еще три и повелевает искать и разгромить коназа Гюргу. Что это!? Непонятен и неисповедим путь ханских мыслей.

После штурма, взятия и разграбления Углича, нукеры привели к Бурундаю несколько пленниц, молодых женщин и девушек. Ни одна ему не понравилась. У него много сил, он мужчина, которому нужна женщина, но он не может, как другие... с такой, которая ему не нравится. А те, что привели к нему нукеры, они были «жирные утки». Но он сразу видел, что эти «утки» далеко не всю их предыдущую жизнь ели хорошую пищу, да и большие грубые ладони и ступни свидетельствовали, что в своих домах они были не только хозяйками, а одновременно и кухарками и работницами, то есть не имели прислужниц. Он сравнивал их с той княгиней. Она была куда дородней, но будучи лет на десять пятнадцать старше имела маленькие, пухлые ручки и ножки, которые никогда не работали и не носили грубую обувь. Бурундай уже потом узнал, что княгиня по линии своей матери являлась внучкой короля государства Ляхистан, лежащего на заход солнца от Орыстана... Темник с отвращением прогнал этих пленниц, отдав их нукерам, он не мог пересилить себя.

Бурундай тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли и властным голосом позвал дежурного нукера. Тот явился, застыв безмолвным изваянием.

– Позвать сюда немедленно всех темников!

Три темника Едигей, Карачай и Чойбол явились быстро, ибо ждали, что главный темник их вот-вот позовет. Все они по-разному получили свои высокие должности. Сорокатрехлетний Едигей, старший из них, прошел все ступени монгольской войсковой иерархии, начиная с десятника. То есть, он прошел тот же путь, что и Бурундай, но прошел его куда медленнее. То был осторожный, не любящий риска военачальник. На такого всегда можно положиться, потому, что он являлся прекрасным исполнителем. Но когда дело доходило до принятия самостоятельных решений, Едигей обычно медлил и даже терялся. Карачай – ровесник Бурундая. Ни десятником, ни сотником он никогда не был, сразу став тысячником еще совсем молодым, по протекции. Что за протекция Бурундай точно не ведал, но по слухам его мать являлась тайной наложницей какого-то не то найона, не до даже тайджи. Так или нет, но пробыв десять лет тысячником, при этом ничем не прославившись, Карачай, тем не менее, стал темником. Это произошло вроде бы по стечению обстоятельств. Во время осады столицы Волжской Булгарии города Булгар, погиб темник, командовавший туменом, в который входила тысяча Карачая и его сначала назначили временным заместителем. За освободившуюся «вакансию» довольно долго шла подковерная борьба и в конце концов утвердили Карачая – видимо все же сработал родственный фактор, хоть и со скрипом.

Чайбол – самый младший из темников. Ему едва минуло двадцать шесть лет, и он тоже не проходил стадии ни десятника, ни сотника, к тому же и тысячником никогда не был. Но с ним все яснее ясно. Чайбол потомственный найон из знатного монгольского рода, испокон кочевавший в долинах Онона и Керулена, мест обитания коренной орды. Род Чайбола являлся главой большого и влиятельного племени, которое одно из первых присоединилось к тайчиитам, племени Чингисхана, вокруг которого последний объединил всех монголов. В отличие от

остальных трех найонов Чайбол являлся чистым монголом. Едигей же на половину кипчак. С Карачаем вообще не ясно, во всяком случае, отсутствие скуластости на его лице говорило за то, что в нем монгольская кровь явно смешалась еще с какой-то. Во время славных походов Чингисхана много красавиц покоренных народов из числа нежных цапель и жирных уток становились наложницами тайджи и найонов, от них и рождались такие вот дети со смешанной кровью. Правда далеко не все они имели таких отцов как неведомый отец Карачая, который о незаконном сыне не забывал и негласно помогал.

Сам Бурундай тоже толком не знал, кто была его мать, так как помнил с детства только кочевье в предгорьях Восточного Алтая, куда его еще младенцем привез отец, отдал на попечение своей матери и уехал... и больше не вернулся – рядовые монгольские воины часто гибли и гибнут. От бабушки он знал лишь то, что его мать была кипчачкой из степей возле озера Балхаш и умерла вскоре после его рождения. Оттого и внешностью Бурундай сильно отличался от чистых монголов. И не только меньшая скуластость и более широкий разрез глаз выделял его из общей монгольской массы, но и его высокий рост, худощавость на фоне преобладающей среди монголов коренастости. И еще одно коренное отличие – он не начал тучнеть хоть уже давно хорошо питался, в отличие от тех высокопоставленных монголов кто волю ели мучное и мясо. Самые яркие примеры собой являли сам Чингисхан, его сын Джучи, и сын Джичи, внук Чингисхана Великий Джихангир Бату-хан.

По знаку Бурундай темники сели перед ним ноги под себя. Уже по выражению их лиц можно было судить, как они относятся к своему временному командиру, с которым совсем недавно были, что называется, на равной ноге. Едигей смотрел спокойно-равнодушно, ибо все, что происходило в походах и сражениях считал проявлением воли всемогущего духа войны Сульде. И если темника моложе его годами и менее опытного ставили над ним начальником, значит такова воля Сульде, выраженная устами Джихангира. Карачай был напряжен, но смотрел отстраненно, дескать, сегодня тебе повезло, командовать мной, а завтра, может, мне повезет, тобой командовать. И лишь молодой Чайбол своим взглядом источал неприкрытую ненависть: как это тебя сына простого нукера, рожденного от какой-то пленницы, ставят надо мной, потомком древнего и прославленного рода...

– По тем сведениям, что я узнал от орысов-проводников и орысов-пленников, а также от нашей разведки, я нарисовал план местности, где коназ Гюрга собирал свои войска, – Бурундай кивнул на разложенную на кошке харатью с начертанным на ней планом.

Темники воззрились на план, Едигей с интересом, Карачай равнодушно, Чайбол – прерзительно.

– Это река? – спросил Едигей, указывая на извилистую линию на плане.

– Да, орысы называют ее Сить. Коназ Гюрга растянул свои тумены вдоль ее берега, и они стоят в деревнях далеко друг от друга. Один тумен стоит в верховьях реки, вот здесь, – Бурундай ткнул своим длинным пальцем в край плана. – Два тумена стоят здесь. Это самые сильные тумены орысов, и во главе их стоит сам Гюрга. Еще один тумен орысов стоит вот здесь, теперь Бурундай указал на устье Сити. – Наш покровитель, великий Сульде, сильнее орысских духов войны, потому что Сульде сумел лишить Гюргу разума. Коназ растянул, рассеял свои силы и они стали как растопыренные пальцы, вместо того чтобы собрать, сжать их в кулак. Потому нам будет нетрудно разбить их по частям... Теперь я хочу знать, что вы об этом думаете? – Бурундай обвел темников пронизывающим взглядом.

Едигей осторожно отмалчивался, продолжая внимательно изучать план. Карачай и Чайбол на план не смотрели, перебивая друг друга, они почти одновременно заговорили:

– Ты хочешь всеми силами ударить сначала на один тумен урусотов, и думаешь остальные будут ждать, когда мы до них доберемся? – Чайбол специально произнес не орысов, как говорили кипчаки, а урусотов, как говорили монголы. – Они уже так напуганы нашими побе-

дами, что тут же убегут и спрячутся в лесах, и мы успеем разбить только один их тумен. А остальные и Гюргу мы так не достанем.

– И ты веришь, что пленные орысы, рассказали правду о местонахождении Гюрги и его войска? – это уже скептически спрашивал Карачай.

– Темник Карачай, ты меня плохо слушал, я сказал, что этот план составлен не только по рассказам орысов, но и подтвержден донесениями наших лазутчиков. Потому он верен. Ну, а ты темник Чайбол, если с чем-то не согласен, скажи свое мнение, как лучше вырезать всех орысов и не дать убежать коназу Гюрге, – с металлом в голосе, явно желая поставить строптивых темников на место, произнес Бурундай.

В шатре воцарилось молчание, лишь в дымовом отверстии слышалось негромкое завывание ветра. Выдержав паузу, Бурундай обратился к дотоле молчавшему темнику:

– А ты что скажешь Едигей?

Едигей заерзал, будто его снизу что-то закололо. Не сразу он нашелся что сказать:

– Тебя Джихангир назначил главным над нами, как скажешь, так и исполним.

Как всегда старый темник остался верен себе, его слова носили двоякий смысл, с одной стороны полная покорность, с другой, Едигей отмежевывался от ответственности в случае неудачи. Ему не нужна была слава и связанный с ней риск. Предел его мечтаний – дотянуть на своей высокой должности до конца этого похода, собрать положенную ему добычу, ясырь и вернуться в свое племя меркитов, кочевавшее в низовьях Селенги не презренным полукровкой, а прославленным воином, с которым тамошние найоны уже не побрезгуют сидеть рядом и пить айран. А для этого надо удержаться в темниках во чтобы то ни стало. Если назначили Бурундая главным, пусть он все решает и за все отвечает.

Бурундай понимал ход мыслей Едигея, и знал на, что он способен. Да он немолод, но опытен этот темник. В своей должности он уже почти десять лет. Сколько за это время сменилось темников в монголо-кипчакском войске: кто погиб, кто чем-то прогневал Джихангира и был смещен, а то и казнен. А Едигей все командует. Карачаю и Чайболу до него далеко. И это хорошо, что старый темник столь осторожен и не склонен к публичным суждениям. Не будет он проявлять и излишнюю инициативу, то есть ставить палки в колеса главному темнику. А это очень важно. Почему? Да потому, что хоть и считается, что под командой Бурундая четыре тумена, но на самом деле только два из них, его собственный тумен и тумен Едигея по настоящему боеспособны, на которые можно было положиться. Во всех предыдущих «облавах» и сражениях, благодаря искусному командованию Бурундая и осмотрительности Едигея их тумены понесли наименьшие потери. И Бурундай и Едигей никогда не пускали дела в своих войсках на самотек, лично отбирали назначали и снимали сотников и тысячников, награждали дополнительным ясырем наиболее отличившихся командиров и рядовых воинов, беспощадно карали за трусость, уклонение от боя, за неподчинение. За все за это полагалась немедленная смерть, провинившимся прилюдно ломали хребты, в назидание всем. В результате, тумены Бурундая и Едигея как начинали этот поход с численностью в десять тысяч человек, так и до сих пор имели в своих составах немногим менее воинов. Причем каждый из тех воинов кроме своей имел одну, а то и две заводных лошади, умело владели саблями или топором, и метко стрелял из лука. Увы, в туманах Карачая и Чайбола имела место совсем иная картина. Карачай вообще считал необязательным личное общение с подчиненными ниже тысячника, и что творится у него в «тысячах», тем более в «сотнях» понятия не имел. Чайбол «болел» распространенной болезнью монгольских найонов – он не считал кипчаков равными монголам. Кроме того занимался протекционизмом своих родственников. В его тумене все без исключения тысячники являлись его родственниками, сотники через одного. К тому же его протеже плохо говорили по-кипчакски и в этой связи общались с большей частью своих подчиненных с определенным трудом. Все это приводило к понижению уровня выучки и боеготовности, и как следствие к большим потерям в сражениях. В тумене Карачая насчитывалось менее восьми

тысяч воинов, а у Чайбола и вообще чуть более половины штатной численности. По-хорошему, Чайбола давно уже пора было снять, а его воинов разбросать по другим туменам, но благодаря высоким покровителям этого пока не случилось.

– Ты прав Едигей, я здесь выразитель воли Джихангира, и послушание моим приказам карается смертью... – Бурундай выдержал очередную паузу в зловещей тишине и продолжил тоном, не терпящим возражений. – Едигей, ты со своим туменом нападешь на орысов, которые стоят в верховьях реки. Они тебя ждут отсюда, с низкого правого берега, а сами встали на левом высоком. Потому ты должен переправиться через реку еще выше и напасть на них не с реки, а с берега, откуда тебя не ждут, – Бурундай показывал на плане, как должен был действовать тумен Едигея. – Тумен у орысов втрое меньше нашего тумена. Потому тебе здесь будет противостоять всего три тысячи воинов. Если сумеешь подойти скрытно, да еще под утро, когда самый крепкий сон, ты их легко всех вырежешь. Деревню, где стоят орысы, сразу жги, не бери никакой добычи, никакого ясыря. Да в этих деревнях и брать нечего, разве что скотину на мясо. Вырезать всех, и тех кто с оружием, и кто без него. Все делать быстро, у тебя будет совсем мало времени, потому, что тебе нужно как можно быстрее идти вот сюда, к стану самого князя Гюрги. К тому времени я со своим туменом нападу на его главные силы и завяжу бой. Ты должен как можно быстрее подойти по льду реки и атаковать орысов с фланга, – Бурундай вновь показал на плане направление движения тумена Едигея. – Если же я к тому времени уже опрокину главные силы коназа, ты со своими людьми отрежешь им путь к отступлению...

Едигей внимательно следил за движением пальца Бурундая. Будучи отличным исполнителем, он очень нуждался в самых точных указаниях и сейчас он их получил. У него даже не возникло никаких вопросов. Не любил старый темник выскочек, не любил и Бурундай. Но в то же время не мог не понимать – о таком начальнике, который так скрупулезно ставит задачу, он мечтал всю свою походно-боевую жизнь.

Убедившись, что Едигей его понял, Бурундай обратился уже к Карачаю и Чайболу:

– Ваши тумены должны скрытно подойти и напасть на орысов, вставших в устье реки. Вы должны продвигаться очень быстро, чтобы в одно время с туменом Едигея атаковать своих орысов, а путь у вас длиннее. Зато у вас гораздо проще задача – связать их боем, чтобы оттуда ни один воин не пришел на помощь Гюрге. Главное, ни в коем случае не опоздать. Повторяю, ваши тумены и тумен Едигея начинают атаковать на рассвете послезавтра. Справится с тремя тысячами орысов в устье реки, вам будет еще легче, чем Едигею. В ваших двух туменах больше тринадцати тысяч воинов, у вас будет более чем четверное превосходство. Повторяю, опаздывать никому никак нельзя, за опоздание, буду сурово наказывать, на то Джихангир дал мне полную власть, – Бурундай смотрел на темников угрожающе...

Те восприняли угрозу по-разному. Едигей спокойно, ибо был уверен, что поставленную задачу его тумен выполнит. Карачай явно заволновался, кривя лицо в нервных гримасах. Чайбол пропустил угрозу мимо ушей, ибо не сомневался, что наказать его Бурундай не осмелится. Оценив произведенное впечатление, Бурундай продолжил:

– Я же со своим туменом нападу на стан самого коназа Гюрги. Здесь у него его основные силы, около десяти тысяч воинов. Я атакую их, свяжу боем, а ты Едигей подоспеешь со своим туменом с верховьев, а вы Карачай и Чайбол с низовьев реки. Князю Гюрге некуда будет деться, мы его зажмем со всех сторон.

В ходе своих рассуждений Бурундай дал понять темникам, что самое тяжелое дело берет на себя. Более того нападает на главные силы орысского коназа не имея численного превосходства, в то время как прочим темникам обеспечил многократное. Здесь Бурундай, конечно, не был искренен, он хитрил и лукавил, ибо точно знал, что в стане коназа настоящих воинов-дружинников всего шесть тысяч, а остальные четыре это наспех набранные смерды из окрестных княжских вотчин. Они были совершенно не обучены ратному делу и вооружены в лучшем слу-

чае рогатинами и топорами, да и то не боевыми, а плотницкими и лесорубными, а многие так и вообще вилами да кольями. Но про то Бурундай своим темникам не поведал.

Бурундай не сомневался в успехе своего плана. Даже если кто-то из темников и не успеет к главному стану орысов, все равно он разобьет Гюргу, даже если подоспеет кто-то один, и даже силами одного своего тумена – он не верил в высокую боевую готовность княжеских войск. Единственно в чем колебался Бурундай – кого ставить во главе наиболее малобоеспособных и потому объединенных туменов – Карачая или Чайбола. Они оба, что называется, стояли друг друга. Поколебавшись, Бурундай назначил главным Карачая, он все же опытней и не в такой степени ненавидит самого Бурундая, как потомственный найон Чайбол.

– Завтра с утра все тумены выступают. За день и ночь вы должны дойти до оговоренных в плане мест и с рассветом атаковать орысов, – закончил военный совет Бурундай.

2

Полком левой руки войска Великого Князя Юрия Всеволодовича командовал воевода Дорож. По велению князя полк встал на высоком правом берегу Сити в районе деревень Мышлица и Боженка. Князь опасался, что татары придут со стороны Бежецкого верха. Потому он и повелел воеводе занять именно здесь оборону и сдерживать татар до подхода главных сил княжеского войска. Аналогичная задача была поставлена и полку правой руки, но этот полк прикрывал основные силы уже с противоположной стороны. Почему великий князь не имел точных сведений о местонахождении и передвижении противника? Да потому что с такого рода противником он столкнулся впервые и откровенно растерялся. Враг, казалось, повсюду и он его ждал отовсюду, потому так опрометчиво и распылил свои полки по берегу реки на довольно значительном расстоянии друг от друга. За то небольшое время, прошедшее после взятия Владимира, татары последовательно овладели и разграбили почти все города владими́ро-сузальского княжества: Ростов, Суздаль, Юрьевец, Дмитров, Москву, Кострому, Переяславль-залесский, Юрьев-Польский и другие. Потом основные силы татар пошли на Тверь, а отдельные отряды продолжали рыскать в пределах княжества Юрия Всеволодовича. Последнее известие, которое получил Великий Князь было неутешительным – Тверь долго не держалась и тоже была взята. Юрий Всеволодович совсем пал духом, ибо надеялся, что под Тверью татары завязнут, и у него, наконец, появится время для раздумий и формирования новых войск. Но, увы, ни думать, ни собирать новые войска было некогда – он ждал нападения со дня на день, ждал отовсюду.

Полк Дорожа уже восьмье сутки стоял в Мышлице, ожидая татар. Ночевали дружинники в деревенских избах, выставив караулы. Первые дни прошли в нервном ожидании, но время шло, а татары не появлялись. Бдительность дозоров постепенно слабла. Воевода столовался и ночевал в доме деревенского старосты, где ему всячески угождали – как же, человек знатный, приближенный к самому Великому Князю. Вот и сейчас тучный воевода, в одной исподней рубахе восседал за столом в хорошо протопленной избе, а старостиha ему прямо из печи принесла чугу́н на ухвате и стала наливать в деревянную чашку аппетитно пахнущее дымящееся говяжье хлебово. Воеводе чуть за сорок лет, мужчина он был осанистый, и вполне соответствующий своему высокому положению. Поглядывая на суетящуюся вокруг него ядреную старостиhu, он не удержался и легонько шлепнул ее по широкому заду:

– Ну, ты хозяйшкa хороша и хлебово, нюхом чую, у тебя знатное. И вообще снeдь готовить ты горазда. Сколь уж дней столуюсь у тебя, а каждый день все разное и одно вкусней другого.

– Благодарствую батюшка-воевода за похвалу, ради удовольствия твоего готова стараться...

Старостиha представляла из себя тот редкий тип сельских женщин, которые в свои средние годы не выглядели уработанными. Разве что грубые ладони рук с шелушащейся от стирки кожей, да набухшими от переноски тяжестей вены выдавали в ней крестьянку. А все остальное, плечи, бедра, грудь, смотрелись у нее пышными, округлыми, визуальнo-нежными. По всему, с тех пор как ее муж стал старостой, ей уже не приходилось тяжело работать в поле и бегать по лесам в поисках пропавшей скотины. Работала она в основном у себя дома, где и научилась хорошо готовить пищу. Хороший муж став своего рода наместником Великого Князя в одной из его малых вотчин, как смог облегчил жизнь жене.

Зачерпывая деревянной ложкой куски мяса воевода принялся с удовольствием их жевать, то и дело кося глаза на хлопотавшую у печи старостиhu.

– Если сюда татары нагрянут, и ты к ним в полон попадешь, ты здесь самой дорогой добычей будешь, потому как во всей деревне самая гладкая баба. А оне таких очень любят, я то уж их порядки знаю, – хотел вновь высказать нечто вроде комплимента хозяйки воевода, но...

– Ох, господи... да неужто эти нехристи поганые сюда, к нам придут... ох напугал ты меня батюшка-воевода! – старостиха в испуге едва не выронила с ухвата чугун с кашей.

– Да не бойся ты... я же шучу... Отобьемся, а там и сам Великий Князь с главными полками подоспеет, вспять погоним поганых, – довольно улыбаясь, успокоил женщину воевода.

– Как же... вон говорили, они сколь городов больших разорили, и зачем им мы распонадобились у нас-то тут и взять нечего, – продолжала испуганно причитать старостиха.

– Ну, нашла кого равнять. Кого они разорили, Рязань? Рязанцы, разве ж то оружники. Ты их не видала, а я видал. Низкие, широкие как пни, все они в мокшанскую да в мешчерскую породу, какие с них воины. А моих дружинников видела, все витязи, высоченные, в поясах узкие в плечах широкие. Такой мечом как махнет, разом три поганых головы срубит.

– А как же тогда эти поганые стольный-то град Владимир разорили, раз витязи у князя такие? – выразила недоверия словам воеводы старостиха.

– Потому и разорили, что с главным княжеским войском там не встретились, кабы встретились и от Владимира бы их погнали... Что ты там кашу-то не несешь, давай, хлебово-то твое я уж съел...

В горницу вошел караульный дружинник:

– Дорож Семенович, тут к тебе сотцкий Милован просится.

– Ну, так что, не видишь, полдничаю я? Пусть попозже придет, – недовольно отреагировал воевода, отодвигая одну чашку и принимаясь за кашу.

– Да я ему про то сказывал, а он прям как бык уперся. Говорит, доложи воеводе дело у меня к нему, оно ждать никак не может, – виновато развел руками дружинник.

– А, чтоб его... – в сердцах выругался воевода и тут же опасливо скосил взгляд на иконы. – Ты хозяйка кашу прикрой чем-нибудь, чтобы не остыла. А то с этим сотским, чую, быстрого разговора не выйдет.

Воевода нехотя вышел из-за стола и пошел в сени. Он не хотел, чтобы сотский увидел, как угощается его начальник. Полк-то харчевался весьма скудно. Деревни Мышлица и Боженка хоть были и не маленькими, но бедными и прокормить три тысячи здоровых мужиков просто не могли. Потому каждый день небольшие отряды посылались во все окрестные деревни за провиантом, фуражом и попутно для ведения разведки. Часто эти отряды возвращались с пустыми руками, ибо многие смерды вместе с семьями побросали свои дома и прятались в лесах, туда же угоняли и скотину. От кого прятались? Конечно, в первую очередь от татар, но и своим далеко не всегда были готовы, за здорово живешь отдать теленка, овцу или кур. И разведка тоже пока не дала никаких результатов. Хоть слухи повсюду ходили один невероятнее другого, об татарском «озорстве», но пока, что в округе татарское войско не появлялось. Правда иные смерды утверждали, что видели небольшие группы каких-то нездешних людей в чудной одежде, которые сразу же завидев их, поворачивали коней и быстро пропадали из виду. Так и стоял уже восьмой день полк Дорожа на высоком берегу Сити, занимаясь в основном поиском пропитания.

– Здоров будь воевода! – поздоровался, входя в сени Милован, рослый, худошавый, рыжеволосый, молодой, но уже далеко не юноша. Он снял шапку и взмахнул ею, не то приветствуя воеводу, не то просто стряхивая с нее снег. Тут же движением широких плеч он отряхнул снег с длинного шабура и с сапог, постукивая один о другой.

– И тебе не хворать, – насмешливо-пренебрежительно отозвался Дорож. – Зачем пожаловал, что за дело у тебя такое, которое никак отложить нельзя? Если ты за прокормом для своей сотни пришел, так я тебе уже говорил, нету у меня прокорма, сам охотников отправляй в лес, может дичину какую подстрелят.

– Какая дичина... Здесь на тридцать верст вокруг ни какого зверья не осталось. Да и не за тем я... Разговор у меня к тебе. Вот что я хочу тебе воевода доложить. После того как моя сотня сменилась с дозора, ночами нас почти уже никто и не охраняет. Дозорные с других сотен с холода в избы уходят и там спят. Я сам таковых ловил, сотцким ихним говорил, а те только отмахиваются, де уж больно ночами студено, вот и бегают греться. Так дела не будет воевода. Проспим мы татар, они нас тут всех сонными порежут.

Милован смотрел на Дорожа и хоть более ничего не говорил, но выражение его длинного худого лица говорило само за себя – он виноватил за такое состояние караульной службы прежде всего воеводу. Дескать, сидишь тут в тепле и сытости, и из избы выходишь разве, что до ветру и ничего не делаешь, что тебе положено, не требуешь службу с тысяцких, чтобы те так же требовали с сотских...

Дорож вышел в воеводы в первую очередь за умение угодить князю. Происхождение его было туманно, хоть он на словах и утверждал, что его далеких предков привел с собой в качестве дружинников, кто-то из рюриковичей, естественно из варяжской земли. Действительно в стародавние времена княжеские дружины рюриковичей едва ли не целиком состояли из наемников-варягов. Многие из них потом не возвращались к себе за Варяжское море, а до конца жизни служили рюриковичам, заводили здесь семьи, оставляли потомство. Естественно мальчишки из таких семей то же становились дружинниками у потомков тех первых рюриковичей. Эти потомки уже не являлись чистыми варягами, но свое первородство помнили и гордились тем, что являются изначальными одноплеменниками главных русских князей. Так вот, был ли Дорож потомком одного из тех первых дружинников Олега, Игоря, а то и самого Рюрика, никто с точностью ни подтвердить, ни опровергнуть не мог, но Великому князю Юрию Всеволодовичу он нравился, тот безоговорочно ему доверял. В сражениях Дорож Семенович особо не преуспел, но с лихвой компенсировал это умением вовремя сказать то, что желал в данный момент услышать Великий Князь. И в этом придворном искусстве, он не имел равных. И сейчас опытный интриган воевода сразу определил, что именно сотцкий не договаривает.

– Да ты, никак, мне указывать пришел!? – гнев охватил воеводу мгновенно. Обычно люди, которые угождают вышестоящим, того же желают и от своих подчиненных, а когда те не оказывают оного... – Да как ты смеешь, кто ты есть!? – все более заходил в злобе воевода.

Последние слова Дорожа значили очень многое. Действительно, а кто такой этот Милован, чтобы указывать на упущения воеводе, облеченному безграничным доверием самого Великого Князя? Дорож отлично знал, что этот сотцкий всегда пребывал в немилости у Юрия Всеволодовича. Почему? И это воевода знал, ибо был в курсе всех перипетий происходящих при дворе Великого Князя. Причина немилости в том, что Милован происходил совсем не из того «корня» из которого происходили, или хотя бы хвастливо причисляли себя все командиры великокняжеского войска – к тому самому варяжскому корню. Милован, напротив, в открытую говорил, что никто из его предков варягом не был. Да ладно бы только это, многие подозревали, что и у Дорожа, да и у ряда других сотцких, тысяцких, а то и воевод в жилах не текло ни капли «благородной» варяжской крови. Милован же, как до того и его отец, тоже служивший в войске Великого князя... В общем оба они, хоть и не кичились, но и не скрывали, что их предки племенные князья кривичей. Вот этого-то и не мог терпеть ни Великий Князь, ни другие рюриковичи. Какие еще кривичские, словенские, вятичские или мерянские князья!? Признай этих, объявятся и князья из муромы, мещеры, голяди. На Руси князья только те в ком течет кровь рюриковичей, других нет и никогда не было! Вообще, ни отцу Милована, ни ему самому, никогда бы не стать сотцким в одном из основных полков великокняжеской дружины. Но дело в том, что эту сотню набирали сначала отец, а сейчас Милован у себя в вотчине, в селе Киверичи, набирали и вооружали за свой счет. А вот это как раз Великому князю очень

нравилось, когда часть его войска содержалось не за счет великокняжеской казны, а за счет их командиров...

Когда-то далекие предки Милована имели и свое городище и много деревень со смердами. Но постепенно завял некогда многочисленный род, властвовавший над одним из племен гордых кривичей. Даже служба у набиравших силу Рюриковичей не спасла. Те исподволь чувствовали опасность, исходящую от таких вот руководителей народов над которыми их предка Рюрика пригласили властвовать. Из века в век рюриковичи разоряли и всячески утесняли бывших племенных князей, отнимали земли, вотчины, иногда в счет неуплаченной дани, иногда просто так из-за озорства. Немало старых родов, даже тех, чьи предки непосредственно принимали участие в «призвании варягов» были из княжеских разжалованы, а потом сгинули, затерялись. У таких, как Милован еще оставались небольшие вотчины, но князьями зваться им было строго-настрога запрещено. Те же вотчины вместо со смердами, что забирались у потомков племенных князей, либо становились собственностью Рюриковичей, либо раздаривались ими своим дружинникам и приближенным, в первую очередь, конечно, тем, кто были «благородного» варяжского корня.

Дорож точно знал, что Великий князь давно уже вынашивал идею избавиться и от Милована, одного из последних потомков племенных князей народов, обитавших на Руси с незапамятных времен, как до того он подобным образом избавлялся и от его отца. Во время своих военных походов он ставил их на самые опасные участки сражений. С отцом все вышло, как рассчитывал Великий Князь. Его смертельно ранили во время похода великокняжеского войска на мордву. А вот сын, которому по наследству перешла вотчина, село Киверичи и должность сотцкого... Он пока что уцелел, хоть был не робкого десятка и даже чрезмерно горяч на поле брани. За него горой стояли его люди, чуть не своими телами загораживали, ибо не сомневались, погибнет последний их князь, и они все немедленно станут собственностью кого-то из Рюриковичей, или приближенных к великому князю воевод, или старших дружинников. А те не будут относиться к ним как к соплеменникам, они их и жалеть в сражении не будут, а то и вообще выведут из служилого сословия и обратят в обычных смердов. Такое не раз бывало, когда какая либо вотчина кривичей, словен, вятичей, мерян теряла своего племенного князя и попадала под власть Рюриковичей или сторонних людей... И вот этот потомок угасающего рода, смеет указывать самому воеводе Дорожу, княжескому любимцу.

– Ладно... Молод ты еще мне указывать, да и не по чину тебе, сначала тысяцким стань, потом до воеводы дослужись, тогда и указывать будешь! – попытался поставить сотцкого на место Дорож.

– Я о пользе Великого Князя радею! – горячился Милован. – Если и дальше будем вот так же по избам хорониться, да ждать – проспим татар. Подберутся втихую и всех нас тут вырежут! Надо бы одну сотню на тот берег отправить, как передовое охранение. И разведку надо отдельно отправить, а не вместе с добытчиками пропитания. А то ведь уж сколько стоим, а ничего про татар не знаем. Где они, может уже близко совсем?

– Ну-ну, – усмехнулся в бороду Дорож. – На тот берег говоришь. Так там же нет ничего, лес сплошной, ни одной деревни. Где там встать-то, в лесу что ли? Если ты такой умный, то и иди со своей сотней, мерзни там возле костров. А мы уж как-нибудь здесь, по избам, да еду не на кострах, а в печках нам бабы варить будут. А как татары придут, то мы их мерзлых да голодных сытыми да теплыми встречать будем и, Бог даст, побьем. А ты своих в лесу будешь морозить да голодом мучить. Давай иди, я тебе позволяю. Посмотрим кто из нас умный!

Зло хлопнув дверью, Милован вышел из избы...

Той же ночью сотня Милована скрытно перешла Сить. Сильная поземка тут же заметала следы. Воины, углубились в лес и на небольшой поляне стали сооружать нечто вроде временного лагеря: рыть полуземлянки, делать нечто вроде деревянного тына из валежника и вязанок

хвороста. Выставили круглосуточные дозоры, а нескольких наиболее быстро бегавших на снегоступах воинов, Милован отправил в дальнюю разведку. Разведка была отправлена в три стороны со строгим приказом вернуться не позднее вечера. К вечеру они и вернулись, но ничего нового не сообщили – татар нигде не было. Милован не знал, что и думать. Получалось, что татары и не собираются идти на Сить, хотя наверняка знают о войске Великого Князя, расположившемся по ее берегам. Как всегда в трудные минуты Милован советовался со своим «дядькой» Жданом.

Ждан не приходился Миловану родственником, а «дядькой» считался потому, что служил десятником еще у отца Милована и пользовался его особым доверием. Именно в ту пору отец и приставил Ждана к своему подрастающему сыну для опеки и обучению воинскому мастерству. И вот уже много лет Ждан всегда был рядом, наставлял, помогал, а то и выручал Милована. Обычно Ждан звал Милована князем, тот же за это частенько упрекал своего наставника:

– Ну, какой же я князь? Что у меня есть-то, село да две деревеньки – вот и все мое княжество.

– Ты самый что ни на есть исконный, кровный князь. Отец твой, деды-прадеды все были князьями для кривичей, – не сомневался в своей правоте Ждан.

– Ну, ты вспомнишь... сколько уж лет-то прошло, когда это все было-то. Я уж и кривичем себя на людях не поминаю, вот только ты и помнишь, – обычно с доброй укоризной возражал Милован.

– Для того и помню, чтобы тебе напоминать, чтобы не забывал чья в тебе кровь и что тебе должно принадлежать по праву, а захвачено этими варяжскими последышами и их прихвостнями...

Эти разговоры не возбуждали Милована. Несмотря на молодость, он отлично осознавал, что плетью обуха не перешибешь, и то, что потомки первых варяжских князей и их дружинников уже давно и прочно обладают на Руси всей полнотой власти, распространив ее на большие расстояния и многие народы, подчас совершенно друг другу чуждые. Но именно под их властью эти народы друг с другом сжились, смешались, называются русскими и говорить в том же Владимиро-Суздальском княжестве стали на одном кривичско-вятичско-словенском языке, который приняли и когда-то говорившие на совсем других языках меря, мурома, мешера, весь, голядь... приняли этот язык как свой и владимирские князья-рюриковичи давно уж потерявшие связь со своей далекой изначальной родиной. Все это объяснил Миловану его отец, когда еще был жив. Он же наставлял: лучше служить рюриковичам, а не изображать гордецов и заявлять о своих законных правах. За то говорила и печальная судьба вот таких же потомков других кривичских, вятичских, словенских и мерянских племенных князей, лишившихся всех своих вотчин, которые осмеливались выступить против могущественных Рюриковичей. Но сейчас на Русь пришел страшный кажущийся неодолимым враг и Рюриковичи впервые за несколько веков зашатались... Может это шанс для таких как Милован? Но здесь, не то что Милован, даже Ждан не раздумывали – татары это великая напасть хуже которой и быть не может, потому в борьбе с ними лучше быть рядом с Рюриковичами.

– Будь здоров княже! Звал? – Такой же рослый, но куда более массивный с густой седой в темных волосах Ждан, наклонившись, откинул полог полуземлянки, недавно отрытой воинами для своего командира.

Ждан был незаменимым помощником. Не стала бы киверичанская сотня столь послушной и боеспособной, если бы не он. Он лично и подбирал и обучал людей, делал из них настоящих воинов. Причем в сотне присутствовали не только уроженцы Киверич и деревенек также являвшимися вотчинами Милована, но и из более дальних деревень, утраченных еще далекими предками Милована. Но и в тех деревнях тоже жила память, что их предки когда-то

жили руководимые племенными князьями из рода, к которому и принадлежал Милован. И они с удовольствием сбегали из своих домов от новых хозяев в Киверичи и там записывались в сотню. Случались скандалы, новые вотчинники жаловались Великому Князю, на такой «разбой». Но Великому Князю нужны были боеспособные войска, а кривичанская сотня всегда в этом плане отличалась в лучшую сторону. Потому Юрий Всеволодович на «разбой» смотрел сквозь пальцы, хоть и не забывал, имел в виду, надеясь при случае предъявить соответствующий счет. Милован же удивлялся, сколько уже поколений минуло, как те деревеньки перешли к другим хозяевам, а смерды в них, вроде бы совершенно тут ни в чем не заинтересованные, не все ли равно, кто были господа у их далеких предков, кому и сколько платили оброка, дани. Так нет, помнят, что они кривичи и господа у них были их однокровные князья, не то что сейчас, когда все вокруг зовутся русскими, а господствуют над ними господа, с которыми у них нет изначального племенного родства.

В основном в сотню брали молодых людей с детства проявлявшими хорошую сноровку в охотничьем деле. То есть, умевшим хорошо стрелять из лука и быстро бегать на снегоступах, или без оных. Ну и проявлявшим смелость – на того же медведя с рогатиной трус не пойдет. Потом уже в сотне их обучали верховой езде, владеть мечом, боевым топором и прочим бранным премудростям. Имелись в сотне и потомственные воины, из тех еще, чьи отцы служили под началом отца Милована. Но таковых насчитывалось немного, основной состав сотни был набран пять лет назад, когда сотским стал Милован. Попасть в сотню и служить под началом князя считалось великой честью, да и жизнь у оружников была хоть и рискованной, но куда как приятней и веселей, чем у простых смердов, чей удел работать от зари до зари. Конечно, содержание сотни тяжелым бременем ложилось на вотчину Милована, но иначе было нельзя. Если бы он не служил в великокняжеском войске и этой последней вотчины его наверняка под каким-нибудь предлогом лишили.

– Будь и ты здоров, Ждан. Сколько раз тебе говорил, не величай меня князем. Не ровен час кто-нибудь донесет Великому Князю, а он этого очень не любит, князьями величать можно только его и его родню, сам знаешь, – в очередной раз, как бы мимоходом, пожурил своего наставника Милован.

– А я тебе Мил, скажу, как всегда говорил, ты князь для нас, а про донос... Кто здесь доносить-то будет, тут все вокруг свои, а соглядатаи воеводские они на том берегу остались, – не сомневался в своей правоте Ждан.

– Ладно, ладно... не для споров позвал я тебя. Совета спросить хочу, – Милован кивнул на грубо сколоченные из тесанных бревен скамейку, приглашая Ждана присесть.

– Чего ж не присоветовать, можно. Говори князь, – Ждан уселся на лавку.

Милован подкинул березовых поленьев в выкованную в киверической кузне походную печку, служившую не только источником тепла, но и в некоторой степени света:

– Не верю я, что татары сюда не идут, хоть наша разведка их и не видала. Чую я они где-то здесь не далеко. А ты как думаешь?

Ждан не спешил отвечать. Ему стало жарко в его шерстяном шабуре. Он снял его и остался как и Милован в колонтыре, кожаной длинной рубахе с нашитыми железными пластинами. Раздумывая, он почесывал свою широкую лопатообразную бороду:

– Знаю я Мил не более твоего. Но думаю, правильно сделал, что сотню из деревни увел. Если татарва нагрянет, они тут нас могут и не найти. А с полком мы там верняк пропадем, особенно с таким воеводой как Дорож.

– Да не так все оно. Думаешь, я специально сюда схоронился, чтобы вместе с полком не пропасть? Наоборот, я вперед вышел, чтобы случай чего татар встретить и полк зарань упредить, – с некоторой долей возмущения попытался опровергнуть не совсем благородные домыслы Ждана Милован.

– Как не так, все оно так. Вот ты разведку посылал, они за двадцать верст бегали, а ни то что татар, вообще никого не встретили, даже сбегов не видали. А чем это говорит?... О том, что татары нас тут плотно обложили, что ни один сбег сюда не смог дойти, не пропускают сюда никого они, – довел свое видение ситуации Ждан.

– Вот оно как. А ведь ты пожалуй верно зришь, – желавки заходили на аскетичных скулах Милована. – Если как ты говоришь, обложили, то они не с одной, а со всех сторон могут нагрянуть... Что делать-то будем?

– Я тебе свое слово сказал, а что делать не мне, а тебе решать, ты князь.

На этот раз Милован не стал упрекать Ждана за именование его фактически давно утраченным его предками титулом. Он в раздумье морщил лоб, явно не находя однозначного решения:

– Назад реку перейти, чтобы вместе с полком, а не порознь быть?... Или лучше здесь тихо как мышь под веником сидеть, чтобы татарва не заметила, мимо прошла, а как на полк нападут, в зад их ударить!?

– Верно думаешь княже. Да вот только в зад-то бить... это смотря сколько будет тех татар. Может случиться, их столько нагрянет, что лучше совсем в бой не вступать, а тихо уйти, – дал осторожный совет Ждан.

– Ты что старый, как можно!? Да меня потом за такое! – Милован от возмущения аж побелел лицом. – Великий князь тогда уж точно, если не казнит, так вотчины лишит, за трусость и прав будет!

– Не горячись Мил. Сам знаешь, какой с Дорожа воевода, ему не то что полка, десятка доверить нельзя. Да и сам Великий Князь... все это варяжское семя показало чего оно стоит, ни ума ни храбрости, – спокойно, не повышая голоса возражал Ждан.

– Ты не прав, князь Юрий Всеволодович не трус и не дурак, и ты при мне его порочить не смей! – прикрикнул было Милован.

– Как же, не трус. Да опосля того что татарва с его стольным городом, с его семьей сотворила, с его женой и детьми... он должен не здесь на берегу стоять, а с войском искать татар и сам на них нападать. Они же сейчас не все вместе, а порознь идут. Это же как божий день ясно, не могут же они в одно время и Тверь брать и Углич разорять не разделившись. А он встал со всем войском на берегу и за реку сунутся боится. А того кто на месте стоит все одно обойдут и обложат. Как не обойти если он залег как медведь в берлоге, да слезы льет по жене и семейству, вместо того чтобы идти и татарам мстить. Я ведь Мил его получше тебя Юрия-то знаю, видал его, когда еще с отцом твоим служил у него. Не один поход под его началом делал. Да побеждали мы, да только в тех походах нас вдвое, а то и втрое больше было, и когда на мордву ходили, и на рязанцев. А как пожаловал враг его войска многочисленнее, все пропало, весь его ум и вся его храбрость, сошли как утренняя роса, – Ждан раздраженно махнул рукой и отвернулся, глядя в темный угол полуземлянки.

Воцарилось молчание, которое через некоторое время нарушил Милован:

– Нет Ждан, как ты советуешь, здесь пересидеть, нет так нельзя, надо назад до полка идти, – по-прежнему не соглашался Милован, но по голосу чувствовалось, что он уже колеблется.

– Да никак нельзя нам назад!... Ты все правильно сделал, что отделился от полка. Там мы все с ними пропадем безо всякой пользы. А тут посидим, посмотрим откуда татарва появится. Может их немного будет, тогда можно как ты говорил, в зад их ударить. Но боюсь, про наш полк они все знают и малым числом на него не полезут. Потому тут загодя обо всем подумать надо. Мне так все едино, у меня ни жены, ни детей, а племянница она пристроена, ей в поповском доме пропасть не дадут. А оруженники-то наши, особенно кто постарше, у них-то и жены и дети есть. А если и к нам в Киверичи татары нагрянут, кто их защитит? – все более основательно и твердо «давил» Ждан.

– Нет, я Великому Князю в верности клялся, я не могу честь свою уронить... – твердил свое Милован, но как бы для очистки совести, исподволь понимая, что старый воин прав.

– А если все здесь поляжем, твой род на тебе и кончится и весь народ наш без законного князя останется, будут над ним какие-нибудь варяжские последыши изголяться, если от татар отобьются, а если не отобьются, то те же татары! – теперь повысил голос Ждан. – Ты не только о чести своей думай Мил, но и о народе своем. И еще, ты случаем не забыл, что тебя невеста дожидается в Киверичах. Тебя не будет, кто ее там, в Киверичах оборонит, что с ней будет!!

3

Село Киверичи когда-то являлось головным городищем переселившихся из под Смоленска сюда, в глухие леса, славян-кривичей. Само название села об том говорило, вернее, так именовали кривичей жившее здесь до них волжско-финское племя меря. Такое именование пришельцев было более созвучно их языку. С тех пор минуло без малого четыре столетия. За эти века буйный, склонный к перемене мест обитания пришлый народ перемешался с местным, более спокойным, тяготеющим к оседлой жизни. С тех пор все меньше людей хранило в памяти, кто они изначально кривичи или меря. Все смешались и стали русскими, во всяком случае, таковыми им повелели быть князья-рюриковичи, великие... и не очень великие. Но кое-кто не поддавался на упрощенное толкование своего происхождения – мы русские и испокон нашими господами являлись князья владимирские, тверские, муромские... Находились отдельные индивидуумы, что умудрялись за четыре века даже не смешаться кровно. Одним из таких «чистых» кривичей в Киверичах являлись Ждан и его племянница Бояна. Отец Бояны тоже служил оружником в сотне отца Милована и погиб в одном из походов, когда Бояна была еще совсем малой. Мать ее тоже долго не прожила. Так что родни у девочки остался только несемейный дядя. Но Ждан не мог заботиться о племяннице, ибо навещался в селе нечасто, а основное время проводил на службе в великокняжеском войске. Потому и упросил Ждан сельского священника отца Амвросия взять Бояну к себе в дом, чтобы росла она и воспитывалась вместе с его двумя дочерьми. Бояна внешне сильно выделялась не только тем, что не имела ни малейшей мерянской «примеси», но и от природы не совсем женским сложением. Сейчас, в свои шестнадцать лет, она была черноволосой, высокой, жилистой, мосластой. Она напоминала обыкновенных смердок, только стала еще сильнее их, несмотря на то, что ее в доме священника никогда не заставляли заниматься тяжелой работой. С другой стороны ее хорошо кормили и, казалось, что в этой длинноногой и длиннорукой деве затаился какой-то бездонный запас сил и энергии. Лицом Бояна была не то чтобы некрасива, но оно у нее имело какое-то чересчур большую вытянутость сверху вниз. Впрочем, вытянутой она казалась вся, не только руки, ноги и лицо, но и ладони рук и ступни ног все было каким-то чрезмерно длинными. Ну, и норов... ее норов совсем не соответствовал кроткой смирненности, которую ей с детства пытались привить отец Амвросий и его супруга матушка Марфа.

В доме священника Бояна никак бы не считала себя приживалкой, ибо и отец Амвросий, и матушка Марфа, и их старшая дочь Веселина относились к ней, как к родной... если бы не вторая дочь священника Голуба. Хотя за десять лет проживания под одной крышей девочки и спали рядом в одной комнате, и ели за одним столом, и одевались одинаково и грамоте отец Амвросий обучал их вместе. Бояна всегда искренне почитала священника, матушку, любила кроткую и смиренную Веселину, она была им всем благодарна и за крышу и за кусок хлеба и за науку. И все бы было хорошо и покойно, если бы не Голуба...

Внешне Голуба являла собой едва ли не полную противоположность Бояне, разве что ростом немного уступала, а в остальном: русоволосая, круглолицая, круглоплечая, крутобедрая, с маленькими ладошками и ножками. Зато характером... Все удивлялись, что у кроткой смиренной Веселины младшая сестра, как и Бояна имела самый настоящий кривичский буйный норов, и это при преобладании во внешности ярко выраженных мерянских черт. Вот эти-то два норова, оказавшись под одной крышей, нет-нет да и сталкивались друг с другом. Когда шестилетняя Бояна впервые попала в дом священника и старшая дочь священника девятилетняя Веселина сразу стала опекать сироту, то семилетняя Голуба, напротив, всячески ее шпыняла и частенько напоминала, что она здесь никто, и должна знать свое место. Старшая сестра стыдила Голубу, грозила, что боженька за такое отношение к сироте ее обязательно накажет.

Но бойкая и властная Голуба свою тихую сестру не больно слушалась и не только словами обижала Бояну, но иной раз и поколачивала. Тогда еще Голуба и ростом, а главное упитанностью намного превосходила до того плохо питавшуюся Бояну и легко с ней справлялась.

Но шли годы, приезжавший после походов в село Ждан всегда навещал племянницу, щедро одаривал подарками священника и его жену, в знак благодарности за то, что приютили, воспитывают и кормят племянницу. Бояна это постепенно осознала и перестала ощущать себя в доме священника нахлебницей, на хорошей пище выросла, окрепла... осмелела. Как-то когда ей исполнилось одиннадцать лет, а младшей поповне двенадцать и Голуба по обыкновению стала ее задирать... К тому времени Бояна уже догнала ее в росте, и хоть была по прежнему худой, но уже, что называется, чувствовала в себе далеко не девичью силу. Впервые решившись оказать действенное сопротивление третировавшей ее поповне, она удивительно легко завалила противницу, которая была старше и значительно тяжелее ее, на пол. Начавшая наливать мягкой бабьей плотью Голуба ничего не могла поделать. Бояна буквально «распяла» ее на полу их девичьей комнаты, не давая вырваться. Не позволив себе ни ударить, ни даже сделать особенно больно противнице, Бояна предупредила, что если та еще посмеет тронуть ее, то уж точно намнет ей круглые бока. После этого она отпустила поповну. Голуба, впрочем, не сразу успокоилась, ибо не могла взять в толк, как эта тощая девка с ней справилась. Пришла к выводу, что виной всему теснота комнаты. Она еще раз попыталась «вернуть все на круги своя». На этот раз все случилось на огороде за поповским домом. Простор Голубе не помог, вновь поповна оказалась зажатой в борозде меж грядками. Но и здесь Бояна не решилась привести в действие свою угрозу, поколотить, причинить боль все более круглящемуся под рубашкой телу Голубы – все же она являлась дочерью ее благодетелей. После этого Голуба наконец осознала, что уже не справится с «поганой девкой» и больше не пыталась ее «подмять» физически, но не прекратила изводить Бояну словесно. Здесь она использовала тот фактор, что Бояне довольно трудно давалась грамота. Веселина обычно помогала ей, а вот Голуба насмешничала:

– Смердка ты Боянка, с того такая несмышленная, сколь тебя учат, а ты до сих пор читаешь по складам.

– Я не смердка, мои тятя и дядя служилые люди, оружники, и еще я кривичанка, – любила подчеркивать чистоту своей крови Бояна, просвещенная по этой части своим дядей.

Голуба же, как раз «чистотой» своей крови похвастаться не могла. В ней, как и в ее родителях и сестре многократно перемешались кривичи и меряне. Но чем, в свою очередь, Голуба могла похвалиться... тем, чем иной раз в отличие от своей скромной сестры она и хвалилась. Когда в очередной раз Бояна возвестила, что она чистая кривичанка, Голуба в запале крикнула в ответ:

– А я вообще княжна!...

Какое право она имела так говорить? Пожалуй, в меньшей степени, чем тот же Милован именоваться князем, тем не менее, в какой-то степени... Когда-то, давным давно предки отца Амвросия действительно были мерянскими князьями. Не очень богатыми и влиятельными, но в этих местах довольно известными. Один из тех предков даже участвовал в том самом новгородском вече, где собрались князья кривичей, словен, мерян... и порешили пригласить на княжение варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. С тех пор много воды утекло. Сначала кривичи пришли варягами с верхнеднепровских волоков согнанные. Стали они не по совести поступать, у мерянских князей земли и вотчины отбирать. Потом варяги, оседлавшие весь торговый путь «Из Варяг в РOMEи» так разбогатели и усилились, что стали свою власть все дальше на восход солнца распространять, тут уж не только мерянским князьям, но и кривичским туго стало, и они заплошали, и их стали душить данью и поборами. Перед общей угрозой вынужденно помирились кривичи и меряне. Если меж смердами и раньше имело место взаимное смешение, где по доброй воле, где и насильным уводом, то теперь и князья стали родниться. Потомки рюриковичей редко «опускались» до родства с племенными князьями народов, над которыми

стали властвовать. Так что князьям кривичей, словен, вятичей, мери и муроме с мещерой еще и потому ничего не оставалось как родниться друг с другом, образуя нечто вроде второсортных, неофициальных княжеских ветвей. Так и предки Милована женились на мерянских княжнах и отдавали своих дочерей за мерянских князей. Так и далекие предки отца Амвросия имели схожую «генеологию». Но им не повезло. Еще прадед отца Амвросия лишился всех своих вотчин. Так что уже его отцу, чтобы не пропасть от голода или не попасть в смерды... ему пришлось забыть про свое княжеское звание, жениться на поповне и идти в священники, унаследовав приход от своего тестя. А уж сына своего он отправил учиться во Владимир ко двору владыки архиепископа. Оттуда его и направили вот в этот сельский приход. Так что бывший княжеский род, таковым уже и не считался. Тем не менее, дворовые люди, прислуживавшие в доме отца Амвросия и в церкви, все это знали, а через них и все село с окрестностями. Киверичане даже гордились что у них такой священник:

– Наш батюшка, хоть никакой вотчиной и не владеет, но он княжеской крови...

О княжеском происхождении в какой-то степени говорило и то, что в доме отца Амвросия, как до того и у его отца имелась необычно многочисленная для священника дворня. То были потомственные дворовые, предки которых служили еще прадеду Амвросию в бытность его тогда еще почти официальным князем.

Конечно, знал про то и Милован. И опять по тем же причинам, по которым и ранее кривичская и мерянская знать роднилась друг с другом, так как родниться им было более не с кем... Так вот, по совету Ждана и Милован стал ходить в дом к отцу Амвросию не только как прихожанин и местный владетель, а и как потенциальный жених: зачем искать невест где-то на стороне, если рядом есть поповны с княжеской кровью. Тем не менее, не мало Ждан потратил времени, чтобы убедить Милована, что лучше невест, чем дочери отца Амвросия ему не найти. Ко всему и отказа не будет, как никак князь сватает, да и не бесприданницы. То, что отец Амвросий на приданное не покусится никто не сомневался. Не жаден был батюшка и не беден – как никак, свою законную десятину со всех кривичских смердов церковь имела, да и матушка Марфа хозяйка оказалась бережливая. Приданное, кстати, имело для Милована, хоть и не первоочередное, но немалое значение, ибо после гибели отца и ввиду его частого отсутствия собственно княжеское хозяйство было весьма запущено. Кроме средств нужен хозяйский догляд и твердая воля, чтобы и оброк исправно собирать, и дворовым лениться не давать. Так что вопрос с женитьбой был вроде бы давно решен, если бы не одно немаловажное обстоятельство. Кого из сестер брать? По всему полагалось свататься к старшей Веселине, которой исполнилось девятнадцать лет и ей уже давно пора было замуж...

Веселина совершенно не соответствовала своему имени. За скромность, прилежание и тихий нрав отец не раз ставил ее в пример младшей дочери. Веселина помнила наизусть столько молитв, сколько сам отец Амвросий не знал на память. Она прочитала все привезенные еще ее дедом, а потом отцом церковные книги и тоже многое из них помнила наизусть. Ее все любили, как и она, любила всех вокруг, ибо свято верила в сказанное в писании – возлюби ближнего. Она и внешне напоминала молодую богородицу с икон ромейского письма: стройная, хрупкая с большими добрыми глазами.

Милован понимал, что все от него ждут сватовства именно к Веселине, но он колебался. Ждан, отлично знавший обстановку в доме священника от своей племянницы и видя нерешительность Милована, дал ему очередной основополагающий совет:

– Ты Мил, как хочешь поступай, твоя воля, но в жены тебе Веселину брать никак нельзя. Настоящей княгини с нее никогда не будет. Уж больно тиха, мухи не обидит. Такая в доме среди дворни твоей никогда порядка не наведет, и когда ты в отсутствии будешь, тебя не заменит. Ты, княже к Голубе присмотришься, вот с кого княгиня выйдет. У нее вся дворня по одной половице ходить будет, да и в селе никто ослушаться не посмеет.

Милован с явным облегчением воспринял этот совет, ибо и без того его «внутренний голос» однозначно указывал на Голубу, а тут еще и его старый друг и наставник все так доходчиво разъяснил. Милован знал о капризном характере Голубы, но он был молод и прежде всего обращал внимание на внешность. К тому же во время его визитов в дом священника Голуба, явно желая понравиться Миловану, не выказывала ни капризности, ни строптивости. И это понимал Милован, что на самом деле она вовсе не такая кроткая, как ее сестра. Он наблюдал ее и в церкви и невзначай и видел, что Голуба бойкая, веселая, подвижная, проказливая, любит командовать всеми и вся, причем не только прислугой дома и в церкви, но и старшей сестрой, а то и матерью. И как-то все вокруг с этим свykлись и ей подчинялись ничуть не менее ревностно, чем самой матушке Марфе. Как известно мужчина любит глазами. Худощавому Миловану еще и с этой стороны более нравилась Голуба, которая была значительно пышнее телом своей худенькой сестры.

Все это вкупе с советом Ждана и повлияло на окончательное решение Милована. Вскоре после Святок Милован посватался к Голубе... Выбор князя удивил многих, но далеко не всех. Не только Ждан, немало народу в селе понимало, что именно Голуба должна стать их княгиней. Понимал это и отец Амвросий. А вот Матушке Марфе, конечно, не понравилось, что старшая дочь остается в девках, когда младшую уже сватают. Веселина же приняла это со своим обычным смирением и искренне радовалась за сестру. А вот дворня в княжеском доме совсем не обрадовалась выбору Милована, предчувствуя, что с приходом в дом такой хозяйки их вольготное житие закончится. Свадьбу стоворились сыграть, как обычно это делали осенью после уборки урожая. А до того времени Миловану и Голубе надлежало пребывать в ранге жениха и невесты.

Вскоре после сватовства Милован со своей сотней уехали в расположение великокняжеского полка, к которому были приписаны, а кривичане жили пересудами в ожидании княжеской свадьбы, что по местным меркам являлось выдающимся событием. Голубу теперь все звали только княжной, а она все это и звание, и интерес к себе принимала со снисходительным удовольствием, сама же, что называется, была переполнена счастьем. Впрочем, ее характера это ничуть не изменило, и она уже заранее стала формировать свою будущую княжескую дворню, прикидывать, кого возьмет с собой из отцовского дома, а кого из домашней челяди князя разжалует в смерды, то есть отправит землю пахать и скотину водить. Все ее высказывания на эту тему тут же распространялись по селу, иной раз перевираемые и обросшие домыслами.

В последние годы Голуба уже побаивалась распускать руки в отношении Бояны. Хотя в отношении прочей дворни она не сдерживалась и раздавала тычки и затрешины не только девушкам, но и парням, и те все как-то к этому привыкли и воспринимали как должное. Но сейчас, уже предвкушая себя будущей княгиней, Голуба возомнила, что так же может поступить и в отношении Бояны. Как-то не найдя по близости девушек-прислужниц, она вдруг приказала вымыть пол в их комнате... Бояне.

– Может мне еще и поганое ведро из-под тебя вынести!? – недвусмысленно огрызнулась в ответ Бояна.

– Придет время и поганое вынесешь! – явно намекала о своем грядущем статусе Голуба.

Эту перебранку услышала Веселина и по обыкновению стала стыдить конфликтующие стороны:

– Господи Иисусе, что вы такое говорите!? Вы же девицы, разве можно вам такие слова говорить. Сейчас же рты свои перекрестите и прощения у Господа просите...

Но обе девушки уже настолько вошли в раж, что не могли остановиться.

– Бери тряпку и мой пол! – уже заходила в настоящем гневе Голуба, сжимая свои пухленькие кулачки, которые явно собиралась пустить в ход.

– Эх, княжна, никак забыла, так я напомним, тобой этот пол вытру, пока княгиней не стала, намну тебе холки, дождешься, – Бояна с усмешкой переводила глаза с груди на бедра Голубы, явно давая понять, что именно она намнет у высокомерной противницы.

На этот раз столкновения не произошло из-за решительности Веселины. Она пригрозила, что сейчас позовет батюшку с матушкой, а когда противницы немного охолонули, сама принесла воды взяла тряпку и стала мыть пол. Бояна устыдилась и, подбежав, стала забирать тряпку:

– Веселинушка, ну что ты, сейчас девку какую кликнем, зачем тебе самой-то...

В конце-концов девку кликать не стали, Бояна забрала у Веселины тряпку и домyla пол. Голуба стояла и смотрела на все это с торжествующей усмешкой – она добилась своего, не так, так эдак Бояна выполнила ее повеление. Впрочем, как всегда, Голуба довольно быстро отошла. В глубине души, так сказать, она понимала, что заставлять воспитанницу отца и матери мыть пол с ее стороны это несправедливо. Действительно Бояна не смердка. Понимала она и то, что если бы рядом не случилась Веселина и не разрядила обстановку и она ударила бы Бояну... Тогда наверняка повторилось бы то что имело место при их памятных столкновениях в детском возрасте, и вполне возможно пол бы действительно был вытерт ею, ведь нынешняя Бояна просто невероятно сильна. О далеко не женской силе Бояны уже давно судачили на селе. Похоже, сам Господь дал ее этой девушке. Вон смердки с малых лет в пахоту запряжены, а никто не может то, что под силу ей, сноровистого коня в руках удерживать, или по мужски резко и сильно рубить топором дрова, или по примеру самых сильных озорников-парней приподнимать угол стрехи у избы и засунуть туда шапку какого-нибудь слабака – попробуй достань, вызволи. Да и сама Голуба стала свидетелем случая произошедшего два года назад. Тогда Бояна на улице сильно зашибла наглого мальчишку, своего ровесника, за то, что он матерными словами поносил девок. Наглость же его основывалась на том, что он приходился сыном сельского старосты. Также статус отца побудил его мать вступить за сына, которого прилюдно несколько раз «макнула» в дождевую лужу какая-то поповская приживалка. На удивление всех при том присутствующих, в том числе и Голубы, четырнадцатилетняя Бояна так же как и сына вываляла в грязи и его мать, здоровенную тридцати с небольшим лет бабу.

Давно уже Бояна стала себя осознавать не такой как другие девицы – уж очень она от них отличалась. И не только силой. Ее всегда тянуло к оружию, стесняла женская одежда. В книгах, которые давал ей читать отец Амвросий, она искала былины про богатырей, описания военных походов. Из книг она узнала, что существовали на Руси особые женщины-воины, которых звали поляницы. Теперь она уже твердо решила, кем ей быть. В тайне ото всех, она одевала на себя мужскую рубаху, порты и бежала в лес, где у нее был спрятан охотничий лук со стрелами. В глухой чаще она училась стрелять. У дяди в селе имелась своя изба, большую часть года пустовавшая из-за его отсутствия. Она на правах наследницы имела право туда ходить. Лук и стрелы она нашла именно там, там же нашла старый заржавленный меч. Она его отчистила, наточила. Нашла кольчугу, колонтырь, стала приспособливать их по себя. Теперь в лес шла юная девушка, которая уже в оном преображалась в молодого воина, который упражнялся в стрельбе из лука и отрабатывал удары мечом...

Пропажу лука, старого меча и кольчуги в конце-концов обнаружил Ждан, в одно из своих недолгих пребываний дома. Бояна не стала запираяться и призналась. Пошли в лес и Ждан посмотрел, как племянница владеет оружием. На вопрос, зачем ей все это, Бояна с восторгом поведала, что желает стать поляницей. Дядя ее отругал, предвидя, что их род наверняка прервется, ибо у поляницы вряд ли когда-нибудь будут дети. Но Бояна упорствовала. Ждан не стал ее неволить, пошел в кузницу, заказал облегченный меч, ибо его мечом Бояне управляться было еще тяжело. Теперь уже новым мечом Бояна отрабатывала удары и приемы защиты, показанные ей дядей. Ждан не стал отговаривать племянницу в надежде, что ей наскучит эта блажь, и женское начало возмет-таки в ней верх...

Так и жило большое село и близлежащие деревеньки, своей тихой, оторванной от остального мира жизнью, до тех пор как уже на исходе студеной зимы пришла тревожная весть – Великий Князь Юрий Всеволодович срочно собирает распущенные им по домам полки. Гонец, прискакавший с этой вестью, также поведал, что навалилась на княжество неведомая сила – татары, пришедшие откуда-то из дальних степей и силы той не счесть, видимо-невидимо и все они на конях и ведет их страшный и безжалостный хан Батыга. Те татары уже дотла разорили соседнее рязанское княжество и идут на стольный град Владимир.

За день собрались Милован и его сотня и отбыли туда, куда повелел им явиться Великий князь. Он почему-то наказал идти не в столицу, а назначил местом сбора одну из своих малых вотчин на берегу реки Сить. А вскоре в Киверичах появились живые свидетели татарского нашествия – беженцы-сбеги. То были и горожане и сельские жители, они-то и поведали о подробностях падения Рязани и других городов и селений соседнего княжества. Также они подтвердили, что войско татар огромно и добавили, что биться с ним нет никакой мочи. Также говорили, что татары жгут и дома и божьи храмы, людей обирают до нитки, забирают в полон, стариков и слабых тут же забивают, а на молодых и сильных грузят награбленное и заставляют нести и если что не так бьют плетью нещадно. Особенно жуткими оказались рассказы сбегов о том, что татары творят с женщинами. Они отбирали для себя самых статных, а остальных в основном смердок, так же как и мужчин заставляли нести поклажу.

Вся дотоле неторопливая размеренная жизнь киверичан как бы замерла в преддверии чего-то ужасного и неотвратимого. Люди стали более истово молиться, просить Бога отвести от них эту напасть. Но все новые сбеги продолжали появляться в селе, они и поведали очередную черную весть – татары взяли стольный град Владимир. Те кто бывал в столице знали какие там высокие и неприступные стены, какая большая и хорошая дружина у Великого Князя... И вот этот город олицетворения величия, мощи и богатства Владимирского княжества взят штурмом, разорен, а его жители перебиты или пленены. Рассказывали ужасные подробности о том как татары убили всю великокняжескую семью не пожалев и малых детей. А великую княгиню Агафью, вообще взяли на силу множество татар, и она погибла под ними.

Что делать, как быть!?! Князь со всеми ратными людьми уехал и село оборонять некому. Староста с отцом Амвросием ломали голову, как поступить, если и здесь объявятся татары, куда уходить. Всему селу подаваться в леса, становиться сбегами? Впрочем, имелся и еще один выход из вроде бы безвыходной ситуации. Можно по гати уйти на болота и спрятаться, переждать лихое время там. Правда, там было немного годного для проживания места, да и чем-то надо будет питаться.

Общая тревога заставила забыть о взаимной неприязни Бояну и Голубу. Они обе беспокоились о судьбе их киверичской сотни. С Голубы как будто сошло все ее высокомерие, она до потери аппетита, до похудания, до слез в подушку переживала за Милована. Бояна не худела – у нее не было телесных излишков, и не плакала, она просто посуровела, ибо тоже переживала за дядю, последнего оставшегося у нее родного человека. Да и некогда ей было плакать, она каждодневно усиленно тренировалась в лесу, стреляла из лука, рубила мечом малые деревца, наращивая силу удара – она готовилась встретить врага.

4

Тумен Едигея атаковал полк левой руки в назначенный день, едва забрезжил рассвет. Согласно плана Бурундая Едигей не стал переходить Сить напротив Мышлицы, а перешел ее выше и атаковал по берегу, используя накатанную санями дорогу. Не смыкавшие по ночам глаз караульные из сотни Милована, увидели нападение татар на основные силы полка со своего берега, и тут же подняли своих по тревоге. Когда Милован прибежал на берег он увидел, что татары запалили крайние избы и конные рубили выскакивающих из изб спросонья оружников Дорожа, многие из которых были без доспехов и даже без оружия. Из увиденного не составляло труда предположить, что караульных и в это утро на постах не оказалось, и татары беспрепятственно проникли в деревню и напали на спящих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.